

МНОГО
ЗВАННЫХ,

МНОГО

ДА МАЛО ИЗБРАННЫХ

Алена
РОМАНОВА

Мощный темперамент, нечеловеческая работоспособность, максимализм, умение четко обозначить и стопроцентно достичь цели – это Никита Михалков. Он спит по четыре часа в сутки и перемещается из одного конца света в другой с фантастической скоростью и легкостью. Знаменитая фраза Жванецкого «Мне в Париж по делу срочно» имеет прямое отношение к Михалкову. Сегодня – в Париж, завтра – в Красноярск, послезавтра – в Лос-Анджелес. Выдержать такой ритм могут далеко не все. Видимо, поэтому в его команде – только самые стойкие и преданные. А еще известно, что разговорить Михалкова труднее, чем встретиться с Папой Римским тет-а-тет. Но, кажется, нам повезло.

Фото Игоря ГИЕВАЦЕВА

Никита Сергеевич, ваша семья – одна из самых известных в России и за рубежом. Что для вас значат семейные традиции?

– Осознание принадлежности к своим корням. Род Михалковых очень древний, из литовских князей, уходит в глубь российской истории. Первое упоминание относится к XIV веку. Были в нашем роду и воеводы, и монахи, и ученые, и государственные мужи. Двое из предков участвовали в битве на Куликовом поле в 1380 году. Очевидно, от своих воинственных предков я унаследовал вкус к состязанию, азарт, кураж. По материнской линии корни Суриковых-Кончаловских уходят в польские земли. Были среди них и яички казаки из Сибири.

Вас воспитывали, как и положено в дворянских семьях: французский, верховая езда, этикет, танцы?

– Никакого специального воспитания мы с братом не получали. Воспитателем была атмосфера в нашем доме, которую в большей степени определяла, конечно, мама. Славословить власть у Кончаловских считалось дурным тоном. И отец у них дома не позволял себе предложить тост за здоровье какого-нибудь руководителя партии и правительства. Дед сам копил окорока, делал испанские ножи. У него был культ Испании. Дача и усадьба Кончаловских в Буграх так западали в меня, что, когда я ставлю или читаю Чехова, Бунина, Тургенева, мгновенно вижу этот

дом. А еще помню запахи детства. В доме деда была темная комната, где висели окорока и лежали антоновские яблоки на деревянных полках. Еще там сушились кожаные сапоги и стоял волшебный запах дегтя, копченого мяса, кожи, яблок и дерева.

Но вы еще и Михалков. Как вы осознали, что ваш отец – автор гимна СССР?

– По школьным побоям. Ведь когда ты засыпаешь на уроке и объясняешь учительнице, что не выпался потому, что очень громко играл Рихтер, для нее это – высокомерное пижонство, а для меня – атмосфера, в которой я жил. Вишневский, Соболев, Кассиль приходили, пели, ели, танцевали, читали свои стихи или прозу. Но я не понимал, что рассказы об этом раздражают...

Наверное, раздражало не только это, но и материальное благополучие?

– Нас с братом совсем не баловали ни едой, ни одеждой. Бутербродов с икрой в моих школьных завтраках не было. Несколько раз мне приходилось и за себя постоять с кулаками. С того времени у меня возникло желание заниматься спортом и ощущение, что могу дать сдачи.

Ваше первое воспоминание?

– Лампа на толстой зеленой ножке с абажуром, на бронзовой подставке. Темный коридор квартиры на улице Горького. И сторублевая бумажка, про которую я знал, что это самая большая деньга. Я видел, куда домработница прячет деньги, украл эти

сто рублей, сам перешел улицу Горького, зашел в музыкальный магазин, протянул деньги и показал на гармошку. Мне было три года.

Правда, что вы заговорили на испанском чуть ли не раньше, чем на русском?

– У нас жила испанская девочка Хуанита. Она была из тех детей, которых вывезли из Испании во время гражданской войны в 1936 году и раздали по семьям. Тогда ей было не больше шестнадцати. Когда мама была беременна мной, Хуанита заявила: будет мальчик – останется, а если девочка – уйдет. Поэтому первыми словами были испанские. Лет до десяти я говорил на смеси испанского и русского. Но потом стал стесняться. Я вообще стесняюсь делать что-либо плохо. Но когда оказался в Сан-Себастьяне на кинофестивале, заговорил, как сказали испанцы, вполне прилично.

Вы были очень привязаны к матери. А какой она запомнилась вам в детстве?

– С компрессом, банками, растираниями, аспирином, горячим чаем с медом, бутербродами. Я простыл, болел. Лежал в жару. А мамыны прохладные руки меня успокаивали. Все трогательное связано с этим. Помню и другое: когда меня усаживали за рояль, а я отлынивал, мама наотмашь оглушала мокрым полотенцем по затылку. Были и подзатыльники, и порки.

А от старшего брата досталось?

– Старший брат есть старший брат. Я всегда был в услужении. И когда за право побыть в компании брата нужно было что-то сделать, делал с большим удовольствием. А компания брата была именитая: Андрей Тарковский, Гена Шпаликов, Люся Гурченко, Жена Урбанский, Андрей Смирнов...

Вас всю жизнь упрекают за отца и брата...

– Я привык. Зато не могут упрекнуть в том, что я «меняю цвет». И никому не удастся сделать из меня Павлика Морозова. У брата – свой путь в жизни и искусство. Он свободный человек и имеет на это право. Что касается отца, пройдет совсем немного времени, и Союз писателей вспомнит добрым словом времена, когда им руководил детский писатель Михалков.

Как вы относитесь к вечному спору о роли интеллигенции?

– Нужно вначале разобраться, кого считать интеллигентом. Русской интеллигенции было присуще понимание того, что такое демократия, сознание того, как говорил болеющий этим Чехов, что за дверью каждого счастливого человека должен стоять кто-то с молоточком и стучать о чужом несчастье. И я не на равном месте родился и вырос: за мной стоит история моей семьи, моей страны. Я – листок на дереве русской культуры. Я всегда делал и буду делать русское кино. Но это не значит, что я – испуганный провинциал, который за околицу боится выйти. Нель-

зя снимать русское кино, не зная мирового, не чувствуя европейской культуры и культуры Востока, не зная американской цивилизации, великой и примитивной силы Голливуда.

А как насчет обвинений в национализме?

– Я – русский патриот. Националист – тот, кто любит себя за счет других. Никогда не различал моих друзей и коллег по национальному признаку: Ибрагимбеков – азербайджанец, Адабашьян – армянин, Леша Артемьев – русский, Квирикадзе – грузин.

Почему же вас так не любят?

– А все очень просто. Зависть. Завидуют, считая меня «баловнем судьбы». А я отвечаю: «Да вы, ребята, повкалывайте с мое, а потом и толкуйте». Помните, в Евангелии: «Много званных, да мало избранных». Возможности у всех при рождении равны. Другое дело, кто как сможет распорядиться ими в силу личных способностей.

Можно рассматривать ваш последний кинопроект как своеобразный манифест?

– Рассматривать можно так, как вам хочется. Скажу одно: мне не стыдно за мою работу. Я хотел показать, что и в России можно снимать кино мирового уровня. Горжусь тем, что смог убедить западных партнеров вложить почти 30 миллионов долларов в русский фильм о русских офицерах, большая часть из которых погибла в первой мировой и гражданской войнах. Я также бесконечно благодарен Виктору Степановичу Черномырдину, который нашел время прочесть сценарий, так что правительство выделило 10 миллионов долларов. Госкино предоставило 11 миллиардов неденоминированных рублей. Я всем очень благодарен.

Мы первые оплатили услуги армии, милиции, ГАИ и других организаций без всяких скидок и льгот. Даже солдаты срочной службы, снимавшиеся в массовых сценах, помимо горячего питания на площадке получали зарплату. И пусть мне кто-нибудь скажет сегодня, что это не целевое использование средств, когда наша армия так унижена и оскорблена. Наш фильм и об этом тоже: о восстановлении чести и достоинства русского офицера, о России, которую мы потеряли, но которая должна возродиться. Когда снимали в Кремле, приняли участие в реставрации колокольни Ивана Великого. Мы не могли иначе. Нам помогали. И мы помогали.

Сразу видно руку хозяина, заботящегося о том, чтобы и дело процветало, и работник был сыт и одет.

– В нашей студии «ТРИ ТЭ» мы научились жить по принципу: хочешь зарабатывать – вкладывай в производство, накорми людей, дай возможность получать удовлетворение от работы. И тогда тыл обеспечен. И Господь тебя не забудет. В любом деле нужен хозяйский подход. А никто не чувствует себя хозяином. Несколько лет назад я проезжал по Волге в поисках природы и встретил на краю бесхозного поля старичка. «Дедушка, а что поле-то такое страшное?» А он и говорит: «Это твое поле? Это мое поле? Ну и иди себе».

Так, может, бросить все это? На Западе вас любят больше, чем в России...

– Ни за что. Россия сегодня – это поверженный колосс с заброшенными промышленными и сельскохозяйственными, разрушенными церквями, с кошмарными дорогами, со страхом, который мы выдавливаем из себя по капле. Поэтому я совершенно сознательно продолжаю делать свое дело именно в России. Я родился и умру в России. Как, я надеюсь, и мои дети, и внуки, и их дети... Эта страна – моя. Я ее люблю. И хочу сделать все, чтобы жизнь здесь была лучше.

Mikhailov Nikita

2.2000